

Сезон. - 1993, - 25 мая, - с. 13.

Как прекрасен этот мир. И другой тоже

Гастроли Нюрбинского драматического театра (Якутия).

Художественный руководитель Юрий Макаров

Петр Барбарисов

В

озможно, этих гастролей ждали с таким нетерпением оттого, что надеялись услышать и увидеть что-то в нехитром роде: меха, оленьи рога и весь набор, с которым обычно увозят в тундру.

Постановщик двух показанных спектаклей Юрий Макаров (кстати, выпускник театрального училища имени Шепкина. Да и большая часть труппы — выпускники разных лет этого же ВУЗа) доказал московским зрителям, что, если их и угораздит в Якутию, ни самоцветов, ни северного сияния они не увидят. Там много чего еще, что может оглушить новичка с Большой земли. Там — иные миры. Мы не можем их познать, потому что нас никто туда не впускал по-настоящему. Несмотря на улыбки и фантастическое гостеприимство. Если бы Кастанеду занесло не на юго-запад, а гораздо севернее, имена его учителей звучали бы по-другому.

Реальность, в которой живет мальчик Ньюкус («В стране Уот Джулустана»), разделена оконным проемом. С внутренней стороны — живые. За окном — мертвые, не оставляющие живых без присмотра. Раскачивается окно, распяленное каната-

ми за четыре угла; раскачивается громадная паутина за окном, временами оживающая, трепещущая, готовая поглотить всякого, кто приблизится. За окном, за паутиной иногда на мгновение открывается небо. Голубой квадрат не идет ни в какое сравнение с тусклой оконной прорезью. Но то — с другой стороны.

Мальчик бродит по миру с сумасшедшей матерью, не вынесшей родовых мук. Конечно, мальчик ищет счастья. Конечно, он хочет пристроить мать. И, конечно, ничего хорошего в пути не происходит. Сны сменяют один другой; меняются люди, заглядывающие в окошко с разных сторон. И наконец, сам мальчик заглядывает в окно с другой, **неживой** стороны. Со стороны, откуда видно **все**. Он видит, что путешествие бесконечно; что живые никогда не поймут, о чем предупреждают их мертвые. И мальчик покидает мир живых.

Раскачивается окно, раскачивается паутина, раскачиваются миры. И неудивительно, если в такой качке человека выбросит на необитаемый остров. Как Робинзон Крузо («Когда-то я был рожден»). Робинзон бродит по земле босиком, громко стуча сапожницами, надетыми на руки; тянет цепи, которые ему без надобности; отчаянно делает вид, что соображает в жизни больше, чем дикарь Пятница. Человек придумывает себе громадное полотнище — как экран. Мно-

АЛЕКСАНДР ИВАНИШИН

жась и искажаясь в потоке света, тени на экране путают, вырастают до небес; причудливо сплетаются и заполняют пространство. Они уже не подчиняются границам, очерченным воображением Робинзона, а рванутся по острову — просторному и тесному для одиночества.

Крузо, как и мальчик Ньюкус, ничего не смог сделать. Ни с миром, ни с собой. Он, скорее всего, умер на острове. И ставшее беспризорным полотнище исклевало крохотные безобидные птички.

Странные и невеселые спектакли у якутского театра. Яркие. Немного сумбурные. Может быть, излишне шумные. Что-то в них мешает. Но завораживает. Вероятно, реакция зависит от того, с какой стороны окна смотреть.